

## ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСА «РУССКОЙ УГРОЗЫ» КАК РЕАКЦИЯ НА КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

---

На основе анализа французской и немецкой либеральной публицистики 1790-х гг. делается попытка проследить процесс формирования комплекса «русской угрозы» во внешнеполитическом дискурсе и его взаимосвязь с кризисом европейского самосознания, последовавшего за Французской революцией, потрясшей традиционные общественные устои Европы.

**Ключевые слова:** *Французская революция, комплекс «русской угрозы», европейское самосознание, французская и немецкая политическая публицистика*

---

За относительно короткий период между 1789 и 1812 гг. Европа изменилась больше, чем за несколько предыдущих столетий. Французская революция совершила переворот в сознании европейцев, разделив их на два противоборствующих лагеря. Политические пессимисты, остро переживавшие удар, нанесенный по сословно-монархическим устоям, рассматривали революцию в рамках эсхатологического дискурса. Либеральные оптимисты, которые уже видели себя победителями над «старым миром», встраивали революцию в утопическую картину счастливого будущего. С развитием революционных тенденций и национального самосознания старая Европа окончательно утратила свое иллюзорное единство и ощущение цивилизационного превосходства над остальным миром. Этот процесс кардинальных мировоззренческих трансформаций сопровождался также глубоким кризисом идей Просвещения, авторитет которых казался незыблемым в предшествующие десятилетия, а теперь был подвергнут пересмотру с целью «очищения от предрассудков и наследия запятнанной в веках тирании»<sup>1</sup>.

Французская революция, ужаснувшая современников массовым террором и зверствами неуправляемой толпы, безжалостно развеяла веру в рациональное начало человеческого разума как основу непрерывного общественного прогресса, центром которого являлась Европа. Как констатировал в 1790 г. немецкий дипломат и просветитель барон Фридрих Мельхиор Гримм: «Ярость галлов за несколько месяцев совершила дело нескольких веков постепенного упадка Европы»<sup>2</sup>. Политический раскол и разрушение традиционных общественных устоев Французской революцией, последовавшая за ней череда кровопролит-

---

<sup>1</sup> Бачко 2006. С. 250.

<sup>2</sup> Письма барона Мельхиора Гримма... Т. 33. 1881. С. 292.

ных войн в Европе, с одной стороны, и стремительное усиление периферийных центров в виде России и Северной Америки, с другой, окончательно дискредитировали идею исторического евроцентризма. Возникшее чувство растерянности спровоцировало новый виток духовных метаний консервативно настроенных интеллектуалов, часто сопровождавшийся обостренным ощущением неизбежной деградации европейской цивилизации и ростом эсхатологических настроений относительно будущего Европы. Одним из первых суть основных тенденций нарастающего политического пессимизма в среде традиционалистов сформулировал в одном из своих писем Екатерине II все тот же Фридрих Мельхиор Гримм: «Так как всякая бедственная эпоха дает нам повод для предсказаний, – писал он русской императрице, – то я тоже выскажу свое. Без сомнения, если безумие Франции не будет быстро подавлено, оно может быть пагубно для самого ядра Европы, ибо невозможно, чтобы чумная зараза не опустошала и ее соседей. Политический хаос и уничтожение военной дисциплины будут одним из прямых последствий этой заразы. В этой ситуации для свирепых варваров-мусульман Европа стала бы легкой добычей. И это предсказание, безусловно, очень скоро сбылось бы, если бы русский орел не был недостижим для французского иступления. Российская империя и дисциплина ее армий в случае надобности обуздает и уничтожит варваров и предохранит от их вторжения ядро Европы, которое на наших глазах покрывается густым мраком. Два государства тогда поделят между собой все преимущества цивилизации, всю силу гения в науке, искусстве, военном деле и промышленности: Россия со стороны Востока и освобожденная в наши дни Америка со стороны Запада. А мы, народы ядра Европы, должны будем деградировать и прийти в такой упадок, что только глухие предания будут нам напоминать, чем мы были прежде<sup>3</sup>».

Основной вывод, к которому приходит Гримм в своих рассуждениях, состоит в том, что Европа, сотрясаемая нынешней и последующими за ней революциями, никогда больше не будет прежней: она не будет больше ни центром мира, ни центром всемирной истории. Кроме того, помимо эмансипации Северной Америки он выделяет основные составляющие европейского политического пессимизма, которые на протяжении последующих десятилетий будут определять консервативный дискурс: страх перед разрушительной силой революций и новой европейской войной, а также вера в Россию, как главный бастион «ядра Европы», как единственную защиту от революционного хаоса, неподвластную его разрушительному воздействию.

---

<sup>3</sup> Барон Мельхиор Гримм – императрице Екатерине II от 20 (31) декабря 1790 г. Письма барона Мельхиора Гримма ... Т. 33. С. 293.

Но то была не единственная точка зрения, распространенная среди европейских интеллектуалов. Годом раньше в Лондоне было анонимно опубликовано на французском языке произведение «Об угрозе политическому балансу Европы»<sup>4</sup>, немецкий перевод которого вышел в 1790 г. сначала в Лондоне, а затем в Лейпциге. Это быстро ставшее популярным сочинение содержало анализ современного состояния Европы, сделанный с совершенно противоположных позиций, заложив основы комплекса «русской угрозы» и политической русофобии. Предполагаемым автором этого политического эссе, переведенного на основные европейские языки и выдержавшего в Германии, по меньшей мере, три издания, был уроженец Швейцарии, Жак Малле дю Пан – монархист, сторонник реставрации Бурбонов, доверенное лицо Людовика XVI в 1791–1792 гг. Как и большинство просвещенных консерваторов той эпохи, Малле дю Пан был космополитом, самоидентификация которого была связана скорее с Европой, чем с конкретной нацией. Так же, как и Гримм, источник неизбежной деградации европейской цивилизации он видел во внутреннем политическом кризисе системы, сопровождающемся вторжением чужеродных элементов извне. Но если для немецкого просветителя источником эсхатологических прогнозов будущего были «революционный хаос» внутри Европы и внешнее «нашествие варваров-мусульман», то, по мнению одного из ведущих теоретиков роялизма Малле дю Пана, гибельным для европейской системы являлось, прежде всего, нарушение баланса сил, ослабляющее Европу изнутри и связанное с «русской угрозой», надвигающейся извне. «Держава, о которой почти ничего не было известно в Европе еще в прошлом веке, последние тридцать лет, постепенно, год за годом, расширяла свои границы за счет всех своих соседей, – писал Малле дю Пан о России. – С этих пор в мире нет больше государства, от Каспийского моря до пролива Гибралтар, чье спокойствие не было нарушено Россией и взгляд в будущее не вызвал бы опасений. Каждый год демонстрировал нам все новые посягательства со стороны России: все они определенно были связаны с неким генеральным планом. И его осуществлению не препятствовали больше никакие барьеры...»<sup>5</sup>.

Взгляд на Россию исключительно через призму ее внешней политики порождал множество спекуляций. Спасительница Европы, по версии Грима, у Малле дю Пана становится ее главной угрозой. Создавая собственные политические конструкции, оба автора, сами не желая того, наиболее четко обозначили комплекс вопросов, поиск ответов на которые серьезно повлияет на трансформацию самосознания интеллектуальной элиты в наступающем XIX в., став важной частью дискурса о

---

<sup>4</sup> Über die Gefahr...

<sup>5</sup> Ibid. S. 3.

европейской идентичности в целом. «Что есть современная Европа?» и «Что есть Россия в современной Европе?» – так можно было бы обозначить дискуссионную повестку европейской публицистики на ближайшие полвека. Найденные ответы одним давали повод для надежды, другим – для пессимизма, так как присутствие нового сильного, не вписывающегося в европейские стандарты государства на восточной окраине континента окончательно стало политической данностью, еще более усугубив кризис европейского самосознания. Во всяком случае, в конце XVIII в. уже мало кто вспоминал о концепции “*Tabula rasa*” Готфрида Лейбница, первым включившего Россию в «политическое созвездие Европы»<sup>6</sup> и пытавшегося подвести ее под «европейскую одинаковость абстрактного универсализма»<sup>7</sup>, почти не обращая внимания на ее специфику и «знаковость». Теперь вопрос состоял не в том, чтобы изменить Россию, сделав ее похожей на остальную Европу, а в том, следует ли признавать за ней право играть ведущую роль в европейской политике при сохранении присущей ей самобытности. Причем полная и окончательная включенность России в политическую систему Европы не всегда являлась достаточным основанием для восприятия ее как полноправной великой европейской державы, особенно после попыток включить в европейский баланс сил также и Северную Америку<sup>8</sup>, что окончательно размывало представление о Европе и ее границах.

В свете сказанного интересно проследить процесс формирования комплекса «русской угрозы» во внешнеполитическом дискурсе и его взаимосвязь с кризисом европейского самосознания, последовавшего за Французской революцией. Исследование опирается на анализ французской и немецкой политической публицистики, заложившей основы мифа о «русской угрозе». Речь идет об упомянутом эссе Малле дю Пана, а также о сочинениях немецких радикальных публицистов 1790-х гг., развивших и дополнивших идеи французских интеллектуалов. В поднятой во французской прессе дискуссии Россия рассматривалась в основном в рамках дихотомии «Европа – Азия» и «цивилизация – варварство», будучи частью внешнеполитического дискурса о сохранении баланса сил. Для Германии, оказавшейся зажатой с Востока и Запада между двумя сильнейшими державами Европы – Россией и Францией, вопрос о том, какую роль должна играть Россия в системе европейской безопасности, и можно ли ее рассматривать в качестве политического противовеса Франции, был чрезвычайно актуален.

Французская революция, вызвав огромный резонанс в политической и культурной жизни Германии, окончательно способствовала пе-

---

<sup>6</sup> Groh 1961. S. 37.

<sup>7</sup> Нойманн 2004. С. 112.

<sup>8</sup> Groh 1961. S.148 – 167.

реключению немецкого общественного сознания, занятого до этого почти исключительно проблемами философии, морали и эстетики, на политические вопросы. Именно французская публицистика сыграла ключевую роль в формировании восприятия немецкими интеллектуалами России и ее международной политики. Практически вся выходявшая во Франции политическая литература моментально переиздавалась в Германии, а содержащиеся в ней идеи получали широкое распространение среди немецкой читающей публики. В результате большинство политических сочинений, изданных в германских землях, были написаны как полемический ответ на французскую литературу или как дальнейшее развитие сформулированных в ней идей, часто с обширными цитатами или прямыми заимствованиями из нее.

Разгром Россией непобедимой Швеции, ее успешные войны со слабеющей Османской империей, последующее русское вмешательство во внутренние дела Шведского королевства, Польши и германских государств требовали осмысления «русского феномена», и первыми взяли на себя эту миссию французские и немецкие просветители. Благодаря им Россия вошла в европейское сознание как «страна ожидания», которая хотя еще находилась в «темноте невежества», но все же, пусть медленно, но двигалась к «свету» цивилизации, внушая надежду на победу Просвещения также и в этой части света, раскинувшейся между Европой и Китаем. Российские монархи-реформаторы – Петр I и Екатерина II – ставились просветителями в пример европейским государям в качестве образца «просвещенных правителей», осознанно осуществляющих свою историческую миссию.

Если в середине XVIII в. немецких и французских просветителей Россия интересовала, прежде всего, как новый объект научного исследования, то уже после 1879 г. начинается быстрая политизация восприятия «северной» империи в общественном мнении Европы. Сначала во французской публицистике, а затем и в немецкой либеральной среде происходит стремительная коррекция «заблуждений» философии классического Просвещения, и, прежде всего, пересмотр мифа о прогрессивной роли добродетельного монарха, волевым усилием преобразующего государство и общество. В итоге первой под удар газетной критики попала здравствующая российская правительница Екатерина II, будучи главным персонифицированным воплощением просветительского мифа о «философе на троне». На первом этапе трансформации образа русской императрицы, в период якобинского конвента, Екатерина II еще не выделялась из общего ряда европейских монархов – членов антифранцузской коалиции<sup>9</sup>. Она изображалась таким же «деспотом» и «чудовищем», как и прочие «коронованные тираны», объединившиеся

---

<sup>9</sup> Митрофанов 2010.

против французской республики, только более ловкой и умной, так как ее удачные «имиджевые акции», частная переписка с «философами» помогли ей «вскружить головы даже умнейшим людям своего времени»<sup>10</sup>. Но по мере нарастания военной угрозы образ Екатерины II стал все больше превращаться в репрезентацию абсолютистского режима современной России, а ее правление рассматривалось сквозь призму прогрессирующей русской экспансии в Европу. Прежде всего это касалось успешной русской политики в отношении Швеции, Турции и Польши – исторических союзников Франции, входивших в систему враждебного России, т.н. «восточного барьера», защищавшего сначала Францию, а затем и Европу от русской экспансии. В результате тема нарушения Россией баланса сил постепенно становилась одной из главных в европейском внешнеполитическом дискурсе.

Все эти нарождающиеся тенденции, соединившиеся затем в комплекс «русской угрозы», впервые были в наиболее целостном виде сформулированы в уже упомянутом анонимном политическом сочинении, полное название которого звучало так: «Об угрозе политическому балансу Европы или анализ причин, поколебавших его основы на Севере со времени восшествия на российский престол Екатерины II»<sup>11</sup>. Вопрос об авторстве этого эссе с особым акцентом на анализе позиции Швеции, появившегося в разгар русско-шведской войны (1788–1790), долгое время оставался не до конца проясненным. Сначала его довольно долго приписывали перу шведского короля Густава III<sup>12</sup>, затем в историографии была распространена версия, что памфлет был написан по заказу правительства Швеции посланником Пруссии при шведском дворе<sup>13</sup>. Наконец автор был установлен по самому полному каталогу «произведений, переведенных или изданных на французском языке, анонимно или под псевдонимом с именами авторов, переводчиков и редакторов» (1806–1808), ставшему плодом многолетних трудов известного французского библиографа А.-А. Барбье (1765–1825)<sup>14</sup>. Сегодня с большой долей уверенности можно считать, что памфлет принадлежит перу публициста и политического мыслителя Ж. Малле дю Пана.

Анализ состояния европейской системы в этом, во многом новаторском, сочинении строился вокруг образа Екатерины II, воспринимаемого как квинтэссенция российской государственной власти (а, следовательно, и самой России), который был подвергнут планомерной критике, причем не со стороны революционного республиканизма, как то-

---

<sup>10</sup> Летчфорт 2001. С. 145.

<sup>11</sup> [Mallet du Pan] 1789.

<sup>12</sup> Groh 1961. S. 78.

<sup>13</sup> Anderson 1958. S. 154.

<sup>14</sup> Dictionnaire des ouvrages anonymes... № 14036. 1824. P. 25.

го следовало ожидать из уст умеренного консерватора<sup>15</sup>. Снимая последние романтические покровы с созданного просветителями образа «мудрой правительницы» и низводя его до уровня «коронованного тирана», Малле дю Пан пытается доказать, что любое проявление деспотизма является злом и варварством. Облаченная силой и жаждой экспансии, тирания несет в себе угрозу для всего просвещенного человечества, провоцируя общеевропейскую «войну цивилизации и свободы против варварства и деспотизма». В качестве примера им был выбран наиболее актуальный для Европы феномен царствования Екатерины II, рассмотренный через призму ее внешнеполитической экспансии на «Север» и «Юге», которая в первую очередь затронула страны «восточного барьера» – Швецию, Польшу, Османскую империю, – вплотную приблизившись к германским землям.

Для характеристики образа российской императрицы Малле дю Пан использует три составляющие. Во-первых, это узурпация власти, сопряженная с кровопролитием, прежде всего, на примере переворота 1764 г., что, по мнению автора, говорит об отсутствии легитимности не только в правлении Екатерины, но и в ее вмешательстве во внутренние дела Европы. Во-вторых, это тема имитации – «коварство и фальшивый блеск реформ», беспринципность, прикрытая лицемерием, вводящим Европу в заблуждение. И, наконец, злоупотребление властью, переходящее в деспотизм. Деспотизм, в свою очередь, как отсталая и полностью неэффективная система, несет с собой рабство и деградацию, как для русского народа, так и для всех народов Европы, если они подвергнутся русской экспансии. Итак, сначала автор ищет подтверждение своим тезисам во внутренней политике Екатерины, которую он оценивает, как губительную для России, а затем проецирует доказанную им склонность императрицы к узурпации власти, лицемерию, беспринципности и деспотизму на политику внешнюю, ведущую к опасному нарушению баланса сил, что и должно было формировать у европейского читателя комплекс «русской угрозы». Таким образом, Малле дю Пан рисует образ беспринципной воинственной правительницы, стоящей во главе огромной «армии рабов», стремящейся к увеличению своего и без того значительного влияния на европейском континенте любыми способами: «Повинуясь присущему ей постоянному узурпаторскому духу, пренебрегая всеми мирными договорами, русская императрица всегда тайно стремилась к захватам, непрерывно плетя заговоры и интриги против соседей, особенно против шведов, поляков и османов. Кто не знает о последних деяниях этой государыни в Швеции и о сомнительных средствах, что используют ее министры, дабы посеять здесь повсеместные беспорядки и раздоры... С помощью своего раз-

---

<sup>15</sup> Пискунова 2008.

вращающего деспотизма она повсюду стремится насаждать собственные законы, яркие примеры чему нам дают Швеция и Польша<sup>16</sup>».

Выводя причины экспансионистской политики России в Европе из личных порочных склонностей ее правительницы, которая вместо того, чтобы заниматься внутренним развитием страны и заботой о подданных, одержима жаждой власти и территориальными захватами, автор памфлета впервые переводит мотивы русской внешней политики из сферы международного права и здравого смысла в область иррационального, а потому непредсказуемого, пугающего и опасного. Беспринципностью Екатерины, которая для достижения своих целей не остановится ни перед чем, автор объясняет шокирующую европейцев «варварскую жестокость» русских на захваченных ими территориях, утверждая, что «все успехи царствования этой государыни буквально омыты кровью»<sup>17</sup>. А действия русских в Польше он вообще сравнивает с разрушительным природным бедствием, с ураганом, который вот-вот перекинется на остальную Европу<sup>18</sup>. Таким образом, создавая образ «русской угрозы», Малле дю Пан ассоциирует ее с надвигающейся извне стихией, управляемой нелегитимной волей одного человека, не признающего законов международного права, которой пока безуспешно пытается противостоять цивилизованная Европа. Недаром, говоря об уничтожении «польской свободы» «русскими штыками», автор, по сути, рисует апокалипсическую картину гибели европейской цивилизации: «Екатерина мечтает с помощью своей армии невежественных рабов господствовать над всей просвещенной Европой, и это обернется настоящей катастрофой для последней, потому что тогда рабство будет господствовать над свободой, варварство — над цивилизацией, невежество — над просвещением»<sup>19</sup>. Таким образом, Малле дю Пан одним из первых увязывает всеобщую растерянность и эсхатологические настроения, определявшие в тот период кризис европейского сознания, с идеей «русской угрозы», конструируя причинно-следственную связь неизбежности «гибели Европы» и русской экспансии в случае, если европейским державам не удастся консолидировать свои силы под предводительством Франции для спасения «свободы и цивилизации».

Важным компонентом теории Малле дю Пана, который должен был давать европейцам надежду на спасение и преодоление «русской угрозы», является введение в широкий оборот и наполнение новым смыслом полузабытой метафоры о «колоссе на глиняных ногах», которая до сих пор ассоциируется с Россией. Впервые эта амбивалентная

---

<sup>16</sup> Über die Gefahr... S. 107.

<sup>17</sup> Ibid. S. 100.

<sup>18</sup> Ibid. S. 101.

<sup>19</sup> Ibid. S. 102.

формула, затем подхваченная Дидро, появилась применительно к России в анонимно изданном в Париже 1736 г. памфлете «Московские письма»<sup>20</sup>, предположительным автором которых считается итальянский авантюрист, ставший впоследствии успешным дипломатом, Франческо Ласкатели Лани. Она одновременно отражала страх перед Россией и несла в себе успокоительный посыл о «призрачности» ее мощи. Малле дю Пан, который, очевидно был знаком с памфлетом Ласкатели, охотно использовал эту метафору. Так, говоря об усилении влияния России на всем Средиземноморском пространстве по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 гг., он замечал: «Теперь железный колосс российской империи стоит одной своей глиняной ногой на Камчатке, а другой – в Херсоне, но недалеко то время, когда, не выдержав собственной тяжести, он рухнет и погребет под собой всю Европу»<sup>21</sup>.

Таким образом, во-первых, Малле дю Пан неоднократно подчеркивал, что крах и распад России, которая контролирует и сдерживает массу диких азиатских племен, не менее опасен для Европы, чем ее усиление в результате экспансии. Во-вторых, он одним из первых связал военную экспансию России с истощением ее ресурсов, которое неизбежно должно было привести империю к распаду<sup>22</sup>. Впоследствии уязвимость российской империи будут связывать, прежде всего, с расширением ее территорий. Считалось, что слишком большие пространства, населенные разноплеменными народами, не имеющими между собой ничего общего, являются для России непосильной обузой, поэтому при продолжении экспансии она неизбежно должна будет развалиться на несколько самостоятельных образований. Во всех случаях, по мнению Малле дю Пана, последствия «попирающих международное право», агрессивных действий беспринципной узурпаторши-императрицы, стремящейся любыми способами утвердить свое преобладание в Европе, будут губительными для европейской цивилизации.

Влияние французской публицистики в Германии в 1790-е гг. выразилось не только в формировании страхов и надежд среди образованных сословий и прочих формах манипулирования общественным мнением, но также и в ответном мощном развитии немецкой, прежде всего, либеральной журналистики и политической публицистики. В последнее десятилетие XVIII в. в немецких государствах появилось большое число газет, брошюр, листовок, журналов и сочинений различного рода, освещавших международные события. Все немецкие журналы того времени, независимо от их направления, писали об изменении баланса сил, вызванного Французской революцией, и последствиях, грядущих

---

<sup>20</sup> [Locatelli, Francesco] 1736.

<sup>21</sup> Über die Gefahr... S. 108.

<sup>22</sup> Ibid. S. 103.

вслед за ней неизбежных глобальных перемен для судеб Европы. Разделы Польши занимали второе место по упоминаниям в немецкой периодике, но сильно уступали Французской республике по значимости и масштабу влияния на массовые настроения. В результате между журналами завязывается ожесточенная полемика, идет борьба за общественное мнение. Если издания, отражавшие точку зрения правящих кругов германских государств, призывали к объединению всех усилий, чтобы не допустить распространения «французской заразы» на другие страны Европы, то во многих либеральных изданиях Франция воспринималась как спасительница. Оккупация Рейнской области французской революционной армией в 1792–1793 гг. у их читателей поначалу практически не вызвала протеста. А с возникновением первой демократической республики в Майнце в 1792 г. появляется немецкая радикальная публицистика и журналистика. Опасения, что революционная Франция не сможет противостоять натиску «Тройственного союза» «деспотических монархий» России, Австрии и Пруссии и будет, в конце концов, разделена между ними, окончательно рассеялись после поражения союзной австро-прусской армии под Вальми в сентябре 1792 г. Но Российская империя с подачи французской пропаганды продолжала восприниматься либералами в Германии как самый могущественный противник молодой республики. Поэтому неудивительно, что наиболее последовательно комплекс идей Малле дю Пана о «русской угрозе» развивали в своих сочинениях радикально настроенные немецкие публицисты. Самыми яркими среди них были Эрнст Людвиг Поссельд, Георг Фридрих Ребманн и Йозеф фон Гёррес, видевшие в «деспотической империи» угрозу не только «завоеваниям революционной Франции», но и «еще не до конца уничтоженной немецкой свободе»<sup>23</sup>. То есть они развили и дополнили используемую Малле дю Паном дихотомию «варварство-цивилизация» противостоянием «деспотизма» и «революции», внедрив его в европейский дискурс о России.

Молодой профессор истории из Карлсруэ Эрнст Людвиг Поссельт (1763–1804) одним из первых вступил в дискуссию о будущем Европы в контексте противостояния революционной Франции и деспотической России. С 1795 по 1804 гг. он был главным редактором ежемесячного политического журнала «Европейские анналы» («Europäische Annalen»), выходившего в Тюбингене на деньги известного издателя и книготорговца Иоганна Фридриха Котта. Главной темой этого одного из самых влиятельных в Германии изданий стала попытка осмыслить «современную историю на стыке эпох». В программной статье первого номера (февраль 1795 г.) Поссельт писал: «Ни одно мыслящее существо не может сомневаться, что современную историю определяют кру-

---

<sup>23</sup> Preußens Friede mit Frankreich... S. 38.

шение старого мира и рождение нового, которые образуют великий рубеж эпох, равный по значению вселенскому потоку или основанию Рима»<sup>24</sup>. Исходя из этого, автор оценивал все современные события.

Первый номер журнала открывает большая аналитическая статья Посселята «Ретроспективный взгляд на 1794 год», в которой он рассматривает все политические события прошедшего года с дуалистической позиции: Европа разделена на два противоположных полюса, древнюю Францию и молодую Российскую империю. С этими полюсами связаны все традиционные антитезы политического дискурса о России – от географических и климатических до цивилизационных: «древность – молодость», «центр – периферия», «Юг – Север», «цивилизация – варварство», «республика – деспотия». Но несмотря на кардинальные различия обе эти великие державы – «явления одного порядка», они являются «кровавыми хищниками», стремящимися к постоянной экспансии безжалостными захватчиками. Именно противостояние двух великих держав, России и Франции, по мнению автора, определяет настоящее и будущее современной Европы. Все, что находится между ними, будет завоевано и присоединено к одному из полюсов. Предвидя неизбежную войну между двумя антиподами, Посселят в конце статьи риторически вопрошает: «Что произойдет, если колоссальная Франция передвинет свои границы на Север и Восток, а не менее колоссальная Россия распространится еще дальше на Юг и Запад? И какая борьба начнется тогда, когда Север и Юг, республика и деспотия, русский и француз сойдутся, чтобы воевать друг с другом?»<sup>25</sup>.

Следующий 1795 год стал для Посселята логическим продолжением предыдущего и прошел под знаком окончательного уничтожения польской государственности. «Польша больше не существует, – пишет он в самом начале программной статьи «Взгляд на Европу 1795 года». – Государство, которое в эпоху своего расцвета диктовало собственные законы всему Северу Европы, теперь существует только в древних преданиях. Сегодня его нужно искать на картах России, Австрии и Пруссии»<sup>26</sup>. Россия и Франция, два сильных «хищника», политика которых построена на «праве сильного», не признающего «никаких договоров и взаимных обязательств», опять вышли победителями. Причем России Посселят уделяет гораздо больше внимания, чем Франции. В анализе ее современного состояния главное место занимает тема «русской угрозы» – не столько Германии, сколько всей Европе, – обоснование которой почти полностью построено на прямых заимствованиях из французской политической публицистики, переведенных на немецкий язык.

---

<sup>24</sup> Posselt 1795. S. 2.

<sup>25</sup> Ibid. S. 6.

<sup>26</sup> Posselt 1796. S. 4.

В частности, Поссельт приводит целые куски из речи, произнесенной одним из выдающихся ораторов Термидорианского Конвента Франсуа-Антуаном Буасси д'Англа (1756–1826) на заседании конвента 30 января 1795 г., не ссылаясь при этом на первоисточник<sup>27</sup>. Также автор продолжает развивать начатую еще Малле дю Паном тему «колосса на глиняных ногах», который с каждым годом разрастается все дальше: «Сегодня этот колосс, все это время счастливо побеждавший в самых кровопролитных и ужасных войнах, стоит одной ногой на побережье Черного моря и угрожает оттуда Константинополю, а другой ногой – на берегах Вислы, у ворот Германии и Южной Европы». Однако, соглашаясь с первой частью идеологемы о «растущем железном колоссе», Поссельт готов поставить под сомнение ее вторую часть о «глиняных ногах», так как за последнее время этот «азиатский Геркулес» «уже успел пугающе быстро европеизировать себя, сочетая в себе в чудовищном смещении силу азиатской дикости со всеми искусствами европейского Просвещения»<sup>28</sup>. Он вступает в полемику с Буасси д'Англа, оспаривая его главный тезис, что постоянное расширение территорий за счет экспансии неизбежно должно привести Россию к ее распаду на отдельные части, которые «погребут» под собой остальную Европу. Поссельт считает, что французы специально приводят этот аргумент, «чтобы побороть страх перед этой огромной силой и последствиями, которыми она грозит Европе», а также привлечь на свою сторону другие европейские государства в «грядущей великой битве двух колоссов». Отстаивая свою пророческую идею о том, что новый век начнется с войны между Россией и Францией, Поссельт считает, что силы обеих держав приблизительно равны – ни та, ни другая еще не знали ни одного поражения, – и поэтому исход этой войны не может быть предreshен заранее, а в основе французской теории о разрушении России «под бременем собственных размеров» лежит «в большей степени недостаток силы, который ощущают слабые потомки, неспособные сохранить то, что было создано и передано им великими предками, но это в наименьшей степени пугает Россию»<sup>29</sup>. Она впредь продолжит двигаться «в направлении густонаселенных равнин Европы», поэтому ее столкновение с Францией неизбежно. И когда этот момент придет, «Европе придется выбирать между фригийским красным колпаком и русским кнутом»<sup>30</sup>.

---

<sup>27</sup> В качестве примера можно привести известную тираду, несколько вольно переведенную Поссельтом: «За семьдесят лет он [русский колосс] успел присоединить Ливонию, Эстландию, Ингерманландию и часть Финляндии. Он усмирил китайцев, расселил своих колонистов на побережье Америки, завоевал Кавказ, захватил Грузию, части Персии и Крым, покорил татар и уничтожил Польшу, и т.д.»

<sup>28</sup> Posselt 1795. S. 10.

<sup>29</sup> Ibid. S. 13-14.

<sup>30</sup> Ibid. S. 97.

Если Эрнст Поссельт в 1796 г. еще стоял перед выбором, то другой радикальный немецкий публицист Георг Фридрих Ребманн (1768–1824) в 1798 г. этот выбор уже сделал, потому что предсказанная Поссельтом война между «деспотической» Россией в составе второй антифранцузской коалиции и республиканской Францией уже началась. Для Ребманна это война не между коалициями, а между «свободой и деспотизмом», и он выбирает «свободу», т.е. сторону революционной Франции. Удивительно, как за два года возрос градус напряженности и неприятия России в немецкой радикальной публицистике. На примере сочинений Ребманна можно судить о том, как в корне поменялась риторика, связанная с российским государством и появились новые акценты в немецком европейском дискурсе. В 1798 г. в Страсбурге выходит сборник его острополюемических эссе «Политический зодиак или знаки нашего времени», в котором слово «кнут» уже используется как метафора России<sup>31</sup>. Ребманн одним из первых отказывается от дихотомии «Север – Юг» в отношении России, перемещая ее с «Севера Европы» на «Восток». Согласно Ребманну, по степени распространения тирании Россия скорее является восточной деспотией, наподобие древнего ассирийского царства, нежели европейской империей, образцом которой он считает древний Рим эпохи расцвета<sup>32</sup>. Таким образом, Ребманн пытается задействовать новую дихотомию «Запад – Восток» для выражения цивилизационного и политического различия двух противоположных миров. Причем, если понятия «варварство» и «деспотия» являлись частью образа Востока, то, следовательно, Россия с северных окраин Европы перемещалась в Азию, за пределы Европы.

Переставляя акценты, Ребманн возвращается к комплексу «русской угрозы»: он многократно усиливает его, приписав России «азиатскую природу». При этом он, как и Поссельт, полностью отказывается от мифа о «глиняных ногах железного колосса». Ребманн считает, что слишком обширные территории – это не недостаток, а скорее преимущество: Россия обладает огромными ресурсами и, будучи расположенной во всех климатических поясах, полностью самодостаточна. Кроме того, с ней невозможно воевать на ее территории. В итоге для усиления эффекта Ребманн сравнивает Екатерину с Аттилой, а ее армии называет «гуннами нашего времени». «Народы Европы, – взывает он, – одумайтесь! Удар будет ужасен, варварские орды московитов сметут вас всех! Новый Аттила приближается, объединяйтесь, пока еще есть время!»<sup>33</sup>.

Несмотря на всю свою революционную непримиримость, уже через несколько лет, когда большая часть Европы оказалась под француз-

---

<sup>31</sup> Der politische Tierkreis... S. 323.

<sup>32</sup> Ibid. S. 330.

<sup>33</sup> Ibid. S. 341.

ской оккупацией, а в германских землях начал созреть дух национального сопротивления захватчикам, Ребманн, как и большинство его современников, глубоко разочаровался в идее Французской революции. И это не удивительно. По мере усиления французского политического гнета в германских землях можно все чаще наблюдать резкий переход самых радикальных публицистов и философов от ненависти к «деспотической» России к надежде на «русское будущее для Европы». Эта надежда давала им возможность перенести свои ожидания «справедливого политического устройства», потерпевшие неудачу в центре европейского континента на его окраины, которые опять заняла Россия. Кто-то, как Г. Гейне или Эрнст Мориц Арндт, поменяли свои взгляды лишь на время в связи с изменениями политической конъюнктуры, а кто-то, как Йозеф фон Гёррес, – на всю оставшуюся жизнь.

Иоганн Йозеф фон Гёррес – один из самых ярких радикальных политических журналистов и пропагандистов в первой половине своей жизни, и выдающийся католический мыслитель, историк и теолог – во второй, считался современниками «голосом Германии». Сначала он призывал к объединению Европы для защиты революционной Франции, а затем к объединению Европы для борьбы против Наполеона. Уроженец Кобленца на Рейне, 22-летний Гёррес, выступая рьяным сторонником идей революции, издает в 1798–1799 гг. два революционных журнала („Das gothe Blatt“ и „Rübezahl“) и является сторонником присоединения оккупированных рейнских областей Германии к Франции.

Со времени установления Директории в 1795 г. и началом последнего этапа Французской революции, несмотря на постоянную турбулентность и неустойчивость власти внутри страны, можно заметить поначалу неявную, но принципиальную смену приоритетов во французском внешнеполитическом дискурсе: противостояние революции и контрреволюции в европейском масштабе постепенно вытесняется геополитическими противоречиями, что нашло свое отражение в изменении пропагандистской риторики. Первым на это обратил внимание еще Поссельт в 1795 г., когда писал, что «продолжающаяся война вслух больше не именуется борьбой за существование республики, а называется войной за более выгодные условия мира»<sup>34</sup>.

В ходе войны второй коалиции стало очевидно, что Франции вполне по силам сломить Австрию, подойдя вплотную к ее границам, но она не в состоянии нанести серьезный удар ни по Англии, ни по России на их территориях из-за их периферийного положения. В результате из традиционного противостояния Франции и Австрии на суше и Франции и Англии – на море убирается Австрия как «центральная» европейская держава, утратившая свое первоочередное значение

---

<sup>34</sup> Posselt 1795. S. 5.

для французской политики. А затем постепенно складывается новая оппозиция из периферийных империй, озвученная еще в начале 1795 г. Буасси д'Англа в речи о политической ситуации в Европе на заседании конвента 21 января: «Россия стремится к владычеству на суше, тогда как надменный Альбион – к владычеству на море». Именно этих двух главных врагов Франции необходимо «исторгнуть из вселенной» и «изолировать от мира»<sup>35</sup>. По его мнению, борьба континентальной революционной Франции против морской «деспотической» Англии могла закончиться только победой одной из сторон, так как «правительство природных захватчиков англичан не может сосуществовать вместе с французской республикой. Из-за своего окраинного положения Англия не заинтересована в воцарении мира и благоденствия в Европе»<sup>36</sup>. Следовательно, теперь Франция, как представитель центра Европы, противопоставит ее периферии, причем не только Англии, но и России, которые связаны общей целью ослабления европейской системы.

Таким образом, изменения в идеологических установках французской внешней политики вносят коррективы в европейский дискурс. Традиционное франко-английское противостояние расширяется под давлением политической конъюнктуры: Франция, будучи по праву доминирующей силой Европы, борется с истинными врагами европейской системы – Россией и Англией. Народы цивилизованной Европы, которые она ведет за собой, должны объединиться вокруг французской республики против «варварских орд» русского государства как главного агрессора на суше, вместо того, чтобы тратить силы в войне с Францией, в которой Россия – это единственная выигравшая сторона.

Наиболее полное развитие тема о русско-английской угрозе нашла в публицистике Гёрреса. В аналитической статье «Исторический обзор новейших политических событий», открывавшей шестую часть первого тома его журнала „Das rothe Blatt“ («Красный листок») он пишет об угрожающей всей Европе «всемирной диктатуре английской торговли и русской военной политики»<sup>37</sup>. Англия с помощью золота и флота господствует на море, Россия с помощью «кнута и страха» – на суше, но обе с одной целью – «порабощение новых народов», а, следовательно, несут в себе «тиранию», «рабство» и «деспотизм».

Если вспомнить, что уже у Ребманна «азиатская деспотия» является антитезой «европейской империи», то связанная с ней противоположность «цивилизации» и «варварства» автоматически получает у Гёрреса новое развитие: «Англичане и русские находятся вне Европы, таким образом, морские потоки и льды Севера окружают ее двух наи-

---

<sup>35</sup> Groh 1961. S. 106.

<sup>36</sup> Ibid. S. 107.

<sup>37</sup> Görres. 1798/99. S. 175-185.

более жестоких врагов»<sup>38</sup>. То есть, Англия является воплощением варварства на море, а Россия – оплот варварства на суше.

Обращает на себя внимание то, что если в самом начале, говоря о стремлении к мировому господству, Гёррес использует еще традиционный в таких случаях термин «универсальная монархия», то затем контекст заставляет его применить относительно новое понятие «всемирная диктатура», которое имеет еще более негативную коннотацию, так как подразумевает не просто отсутствие легитимности, но узурпацию и произвол власти. Еще один моментом, который бросается в глаза при оценке уже непосредственно России, это ее подчеркнутая амбивалентность: «Россия – это колосс, возникший из сплава снега, льда и крови, наделенный слабой, но цепкой жизненной силой амфибии, у которой, как у крокодила, наибольшая мощь сосредоточена в огромном хвосте... Но если уметь уклоняться от его удара, он становится жертвой своей собственной неповоротливости»<sup>39</sup>. Будучи одновременно сильной и слабой, опасной и беспомощной, Россия, по мнению Гёрреса, подобно амфибии, в силу своих размеров и истории принадлежит сразу к двум цивилизационным мирам, двум культурам: азиатской и европейской: «Россия объединяет в себе все промежуточные ступени цивилизационного перехода от европейского Просвещения к самому дикому варварству, и от него снова наверх – к китайской квази-культуре»<sup>40</sup>. Более того, для Гёрреса, Россия, несмотря на пропагандистские пассажи, позаимствованные из французской прессы, не столько чужеродный для Европы элемент, сколько современная quintessence ее собственного неприглядного прошлого, «чудом сохранившийся до настоящего времени реликт архаичной европейской культуры XIV столетия»<sup>41</sup>.

Однако Гёррес, несмотря на влияние изменившейся французской риторики, остается якобинцем: для него основными полюсами, определяющими картину мира, являются не «цивилизация» и «варварство», а «деспотизм» и «свобода». Поэтому Россия и все европейские монархии составляют для него единый лагерь «деспотизма», которому противостоит «новое государство свободы» французская республика. Если до революции, пишет Гёррес, «государственное здание Европы трещало по всем швам при повторяющихся ударах азиатского чудовища», то после революции напуганные европейские «деспоты» бросились в объятья «деспотизма» России, чтобы, объединившись вокруг него, «с громким лаем и диким воем» нападать «на новое государство свободы»<sup>42</sup>.

---

<sup>38</sup> Görres. 1798/99. S. 185.

<sup>39</sup> Ibid. S. 178.

<sup>40</sup> Ibidem.

<sup>41</sup> Ibidem.

<sup>42</sup> Ibid. S. 181.

Однако, доведя идею о «русской угрозе» до ее кульминации, немецкий последователь французских якобинцев, тем не менее, предлагает новый оптимистичный взгляд на будущее Европы. Уже в 1798 г. юный Гёррес начинает выстраивать свою прогрессистскую концепцию истории, согласно которой «существуют четко определенные, неизменные законы, на основе которых человечество поднимается из плотных миазмов деспотизма и варварства к ясному эфиру свободы и культуры»<sup>43</sup>. Поэтому дни деспотизма и варварства уже сочтены, о чем свидетельствуют «недвусмысленные симптомы», указывающие на «скорый кризис» европейских монархий. Прогресс и свобода обязательно побеждают варварство и деспотизм, и даже «колосс на Востоке, подобный гротескнейшему во главе всех еще оставшихся обломков когда-то господствующего над миром деспотизма»<sup>44</sup>, не сможет помешать этой победе. Таким образом, на рубеже веков, с помощью разработанной им теории романтического детерминизма в истории, Гёррес одним из первых предлагает европейцам надежду на будущее и выход из охвативших интеллектуалов растерянности и пессимизма, связанных с кризисом европейского самосознания.

### Источники

- (Anonym.) Über die Gefahr des politischen Gleichgewichts in Europa oder Auseinandersetzung der Ursachen, die dasselbe seit der Thronbesteigung der russischen Kaiserinn Katharina II. im Norden erschüttert haben. London: Cadell & Davies, 1790; Leipzig: D.Y.K. Verl., 3te Aufl., 1791. 170 S.
- (Anonym.) Preußens Friede mit Frankreich. Berlin, 1795. 211 S.
- [Locatelli, Francesco] Lettres Moscovites. Paris: Chez Huart Laine, 1736.
- [Mallet du Pan J.] Du péril de la balance politique de l'Europe ou Exposé des causes qui l'ont altérée dans le Nord, depuis l'avènement de Catherine II au trône de Russie. Londres, 1789.
- Der politische Tierkreis oder die Zeichen unserer Zeit/ Hrsg. von G.F. Rebmann. Strasbourg: bey Georg König, 1798 570 S.
- Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes composés, traduits ou publiés en français, avec les noms des auteurs, traducteurs et éditeurs /Par Barbier Antoine-Alexandre. Seconde édition. T III. Paris : Chez. Barrois L'Ainé, Libraire, 1824.
- Görres J. v. Historische Übersicht der neuesten politischen Ereignisse//Das rothe Blatt: eine Dekadenschrift. Bd. I, Heft VI. Koblenz: Lasaulx Verlag, 1798/99. S. 175-105.
- Posselt E.L. Blicke auf Europa 1795// Europäische Annalen. Jahrgang 1796. Erster Band /Von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J. G. Cottaischen Buchhandlung, 1796. S. 3 – 103.
- Posselt E.L. Rückblick auf das Jahr 1794 // Europäische Annalen. Jahrgang 1795. Erstes Stück von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J.G. Cottaischen Buchhandlung, 1795. S. 4-65.
- Posselt E.L. Vorrede //Europäische Annalen. Jahrgang 1795. Erstes Stück von Ernst Ludwig Posselt. Tübingen: in der J. G. Cottaischen Buchhandlung, 1795. S. 2–11.
- Письма барона Мельхиора Гримма к Императрице Екатерине II (1764–1796) и к вице-канцлеру князю А.Н. Голицыну (1764 – 1765) с приложениями. //Сборник Императорского Русского Исторического Общества/Под ред. Я.К. Грота и Г.Ф. Штенмана. В 146 томах. СПб: Тип. Имп. Акад. Наук, 1867–1916. Т. 33. СПб, 1881. 551 с.

---

<sup>43</sup> Görres. 1798/99. S. 184.

<sup>44</sup> Ibid. S. 185.

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. London: Macmillan, 1958.
- Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961.
- Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и Революция // Пер. с фр. и Послесл. Д. Бовыкин М.: Baltrus, 2006.
- Летчфорт С.Е. Французская революция конца XVIII века и формирование образа России в общественном мнении Западной Европы//Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Материалы международного научного colloquium. Саратов 2–6 сентября 2001 г. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.
- Митрофанов А.А. Образ России в общественном мнении Франции конца XVIII в. (по материалам публицистики и печати). Дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. М.: ГАУГН, 2010.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
- Пискунова Е.П. Эволюция идеологии умеренных роялистов в период консульства Наполеона // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. № 1(13). СМ. 63 – 72.

## REFERENCES

- Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia, 1553 – 1815. London: Macmillan, 1958.
- Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961.
- Bachko B. Kak vyjti i z terrora? Termidor i Revolyuciya. //Per. s fr. i Posleslovie D. Bovykin M.: Baltrus, 2006.
- Letchfort S.E. Francuzskaya revolyuciya konca XVIII veka i formirovanie obraza Rossii v obshchestvennom mnenii Zapadnoj Evropy//Evropejskoe Prosveshchenie i razvitie civilizacii v Rossii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Saratov 2 – 6 sentyabrya 2001 g. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2001.
- Mitrofanov A.A. Obraz Rossii v obshchestvennom mnenii Francii konca XVIII v. (po materialam publicistiki i pechati)/ Diss. na soisk. uch. stepeni kand. istor. nauk. M.: GAUGN, 2010.
- Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004.
- Piskunova E.P. Evolyuciya ideologii umerennyh royalistov v period konsul'stva Napoleona // Vestnik VolGU. Seriya 4. 2008. № 1(13). SM. 63 – 72.

*Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com*

### **Formation of the "Russian threat" complex as a reaction to the crisis of European self-consciousness in the first decade after the French revolution**

Based on the analysis of the French and German liberal journalism of the 1790s, the study aims to track the formation of the "Russian threat" complex in the foreign policy discourse and its interrelation with the crisis of the European self-consciousness that followed the French revolution, which shook the traditional social foundations of Europe.

**Keywords:** French revolution, a complex of "Russian threat", European identity, French and German political journalism

*Olga Zaichenko, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; o.v.zaichenko@gmail.com*